

Ducere me in Lucem

Хина Мотидзуки

- ...вы всё поняли? В порту всё уже подготовлено, переоденете на судне, остальное тоже передадут. Эти тряпки и остальное - уничтожить. Держите телефоны включёнными, отвечайте на все звонки, их будет немало. Первым должен позвонить Ким Ёнгвон, он уточнит подробности прибытия. В Гонконге вас встретят. Отвечаете за неё головой.

- Но почему вы...

- Слово "почему" вам сейчас следует позабыть, Шэнь-сан. - Глаза японца недобро сверкнули. - В бардачке лежит конверт с достаточной суммой. По возвращении, если всё пройдёт гладко, получите ещё столько же. Это мои... моя забота. А ответственность - ваша. Что касается "почему"... Спросите, когда вернётесь, у вашей маленькой родственницы. Кажется, она уже должна была пойти в школу, так? А ведь этих лет у неё могло и не быть.

Один из его собеседников, выглядевший постарше, выразительно посмотрел на молодого коллегу - тот, открыв было рот, осёкся и поклонился. Японец помолчал, взгляд его, направленный в землю, снова потерял всякое выражение.

- Отправляйтесь, скоро подъедет реанимация. Карта с указанием конечного пункта будет отослана, высадите как можно ближе, но не привлекайте внимания и не светитесь сами. Ясно?

хором - Да, Судзуки-сама!

По каменистой дороге, шатаясь, словно пьяная, одиноко брела девушка в длинном халате, обхватив плечи и стараясь закутаться в него плотнее. Иногда она спотыкалась, но всякий раз удерживала равновесие даже без помощи взмахов руками. До ворот населённого пункта уже было совсем недалеко.

Боль, вроде бы несколько унявшаяся, вновь начинала пульсировать за левым ухом и где-то внутри головы, набирая силу. Это плохо.

О своих первых минутах в этом мире она старалась не вспоминать, а описать их словами было бы... затруднительно. Всё равно что маг из детской книжки забавы ради вдохнул бы жизнь во-он в тот камень. Наверное, так. Но лучше об этом не думать. Точно сказать, сколько уже длится поход, она тоже бы вряд ли смогла. Девушка замерзала, переступая деревенеющими ногами и уже несколько десятков метров пути попросту втыкая их в землю. Сильно ныла ключица, а тошнота со временем уступила место тянущему ощущению в подреберье, намекающему на сильный голод. Давала о себе знать и жажда.

Но кирпичики сознания, не обращая внимания на плачевное состояние хозяйки и уворачиваясь от выстрелов боли, упрямо продолжали вставать на свои места, собираясь в нечто цельное. Придя в себя некоторое время назад, девушка нашла в себе силы удивиться, что почти спокойна - наверняка, не будь головной боли и холода, терзающего лодыжки, а также нескольких неприятных открытий,

вынужденное путешествие могло показаться даже интересным. Сейчас её волновало другое. Что это за место? Что происходит? Где я?

...кто я?

Было страшновато осознавать, что на последний вопрос дать ответа тоже не получается. Едва встав на ноги, она сразу попыталась найти хоть какую-то подсказку, озираясь вокруг и ощупывая себя. Ничего. Ни сумки с вещами, ни тёплой одежды, никаких других предметов. Тонкий "халатик" (уже позже память подсказала его название - странное слово...) не имел карманов, да и внутри не содержал совсем ничего, если не считать субтильного женского тела. Широкая багровая полоса, наискось идущая вниз от левого плеча, свежие, но уже подсохшие ссадины на ладонях, локтях и пальцах. Ногти коротко острижены, нет никаких колец, мочки ушей тоже ничем не отягощены. А вот за ухом обнаружились склеенные пряди волос, здоровенная гематома и ранка с рваными краями, от которой вниз по шее сбегали тёмно-красные полосы, уже не оставляющие на пальцах следов - именно оттуда и стучалась боль. Какие-то деревянные тёмные тапки с нехитрым узором. Всё.

Собственно, единственным плюсом оказалось то, что дурацкие сандалии, на первый взгляд обещавшие перспективу переломать в них ноги, оказались на удивление удобными. Перемычка совсем не тёрла пальцы, напрашивался вывод, что эта обувь была ей давно знакома. Но что даёт эта зацепка? Чёрт.

Крутя головой и морщась от боли, она наконец вошла в деревню. Оказавшись в подобной ситуации, каждый человек стремился бы как можно скорее увидеть себе подобных, но, пройдя через ворота, девушка так ни к кому и не обратилась. Местная архитектура и лица, мелькавшие вокруг, казались совершенно незнакомыми. Она даже не знала, что тщила здесь найти, не знала, как вести себя. Спустя пару минут, покружив вокруг домов со странными, но ухоженными фасадами, девушка опёрлась на первый подвернувшийся заборчик. Стоило передохнуть. Сзади послышалась возня, и ноги, шурша щебнем дорожки, сами резко развернули тело, вызвав новые болезненные удары в черепе.

Из ближайшего здания выглядывал крохотный мальчонка, во все глаза рассматривающий высокую иностранку. Та чуть улыбнулась, стараясь не скривиться, а малыш, соорудив серьёзнейшее лицо, убежал вглубь дома, что-то крича на непонятном языке. Секундой позже, вперемешку с незнакомыми словами, оттуда донеслось отчётливое "*...тёте плохо!*".

Пока владелица юкаты переваривала мимолётную мысль, что сейчас ей влетит за сидение на чужой низкой загородке, из здания вышла женщина. Девушка, плотно сжимая ворот юкаты, попыталась неуклюже поклониться, облизнув потрескавшиеся губы, а местная жительница, критически осмотрев незнакомку и задержавшись взглядом на шее, вернулась в дом. Казалось, опасность миновала - но женщина скоро вновь подошла, неся в руках покрывало, пару светлых предметов и ковшик с водой. Ткань накинули на плечи горемыке, а содержимое протянутой посуды за секунды было выпито до дна. Девушка вновь и вновь нелепо кивала, бормоча слова благодарности, а местная, что-то сказав, поставила перед иностранкой то, что держала в другой руке: кроссовки, поношенные и потёртые, но ещё сохранившие первоначальную белизну. В тёмных глазах женщины играли тёплые искорки, предложение было недвусмысленным и очевидным, но продрогшая девушка осознавала - стоит только оторвать руки от воротника, наклонившись до земли, и она бревном свалится с заборчика. Женщина всё поняла. Через минуту белые

кроссовки были зашнурованы на ледяных ногах, обувь иностранки местная подхватила сама, после чего мягко потянула девушку за рукав юкаты, повторяя тихим, успокаивающим голосом одну и ту же фразу. Среди прочих неизвестных слов послышалось понятное "*...там помогут*".

Пришлось подчиниться и пойти - точнее, ковылять следом - а что ещё оставалось делать?

Тео Чун

Тео вытянул под низким столиком ноги, с удовольствием потянулся и привалился спиной к стене, прикрывая глаза в легкой дремоте, которая одолевала его всякий раз, когда ему доводилось дежурить в деревенском лазарете. Юэмин, приезжая в монастырь, гребла на себя столько занятий, что они были у нее чуть ли не одновременно, так что Тео было решительно нечем заняться в ее отсутствие. Поэтому он с удовольствием соглашался дежурить, лишь бы убежать от тоскливой скуки, но она все равно догоняла его уже здесь, на пороге этого маленького одноэтажного строения, с чисто-вымытым полом, перестеленными циновками и аккуратно сложенными полотенцами (работа Шэн - Лю себя подобным не напрягал и складывал как попало, обычно просто сваливая в ящик). Заняться Тео было решительно нечем, чему, конечно, нужно было только радоваться, ведь отсутствие работы означало, что в деревне все живы, здоровы, и не нужно никуда срочно бежать и кого-то спасать. А у него еще и от последнего дежурства не отошли воспоминания, когда пришлось вытаскивать Маркуса с того света при помощи мата, свечей и какой-то там матери, ну и помощи Лю-младшего, конечно.

Как обычно, стоило только Тео снова прикрыть глаза и уже почти поддаться сонливости, как до него донесся звук шагов. Один...нет, два человека, точно приближались к зданию лазарета, и младший из близнецов выпрямился, тряхнул головой, сбрасывая с себя полудрёму, и подтянул ноги к себе. Как в любой медицине, опасно было даже думать и предполагать, что дежурство пройдет тихо и спокойно, потому что в этом случае случалось все, начиная отрубленными топором пальцами и заканчивая вспышкой холеры, сибирской язвы, чумы и птичьего гриппа где-нибудь в окрестных деревнях. Но, как и в поговорке о синей обезьяне, ты начинаешь думать именно что о синей обезьяне, а потом приходится расхлебывать последствия своей мысленной несдержанности. А подумал бы о чем-то отвлеченном, о еде, например, глядишь, и миновало бы сегодня.

Тео уже даже начал гадать, что ему сегодня придется лечить, когда шаги оборвались у крыльца, а затем продолжились, но уже внутри самого помещения. Одна их местных жительниц буквально тащила за собой девушку в одежде, чем-то похожей на ханьфу, но отличающееся от него примерно также, как день отличается от ночи. Тео не был силен в национальных костюмах других стран, да и внешность девушки, которой по-видимому, и нужна была помощь, наталкивала его на мысли скорее о полукровке.

- Таши-деле, мать, - поздоровался Тео с женщиной, со скрипом вспоминая тибетские фразы. Он поднялся и подошел ближе - старая Лхамо настойчиво пыталась усадить незнакомку на одну из циновок.

- Вот, привела, взялась в деревне неизвестно откуда, вся продрогла, обувка на ней

эта была, смех один. Не в себе она, боромочет непонятно. И вон, по голове ее что ль ударили...

- Да уж вижу. Спасибо, что привела, посмотрю за ней, - Лхамо заботливо потрепала девушку по плечу, а затем покинула лазарет. Тео присел перед девушкой.

- Ни хао? - поинтересовался он, проверяя, знает ли гостя китайский. Тянуть руки без предупреждения он пока не стал, а ну, как, бросится.

Хина Мотидзуки

Кроссовки пришлись почти впору и были лишь немного свободны в ширине. В какой-то момент проскочила мысль - они вряд ли принадлежали её провожатой. Стало заметно теплее, однако заledenевшие ноги пока совсем не хотели двигаться, как им положено. Девушка продолжала спотыкаться и вновь отстранённо дивилась собственной устойчивости, хотя перед глазами всё плыло, а перестрелка в голове уже превратилась в удары свайных молотов.

Но сейчас хафу с радостью бы разулась и вновь снова влезла в свои сандалии, снова в холод - новая обувь, казалось, высосала из тела остатки сил. К тому же гораздо сильнее, чем можно было ожидать, её выбила из колеи сценка с ребёнком и его... скорее всего, родственницей. Ну, поняла лишь пару-тройку слов, подумаешь, что в этом такого? Все языки мира знать невозможно. Но девушка теперь не могла выкинуть из головы то, что понятия не имеет, на каком языке говорит сама. Каким языком она сейчас описывает самой себе эту самую строчку, мысленно проговаривая? Ещё полчаса назад она об этом и не задумывалась. Посчитать в уме получилось с первой попытки. Раз, два, три... на сорока восьми пришлось прекратить - её заводили в какую-то низкую постройку.

Девушка не замечала, что вразнобой смешивает русские числительные с японскими.

Дрожащую хафу довели до циновки и сгрузили вниз, хотя та пыталась вяло сопротивляться. Плюхнувшись в позу ёкодзувари, девушка машинально потянулась к ногам, пытаясь стянуть кроссовок - строгое правило, на фоне которого выработался и глубоко въелся условный рефлекс, требовало снять обувь в помещении - но быстро стало очевидно, что затея бессмысленна. Подъём и лодыжка были плотно обхвачены вытертым материалом, а о том, чтобы развязать замёрзшими пальцами крепко завязанные шнурки, и речи быть не могло.

Вероятно, сознание пыталось уберечь девушку от новых тяжёлых мыслей - полностью поглощённая жалкими попытками избавиться от обуви, она пропустила короткий диалог, опомнившись лишь в тот миг, когда женщина, приведшая её сюда, коснулась здорового плеча и направилась к выходу. Проводив тоскливым взглядом человека, искренне пытавшегося хоть немного согреть её и одеждой, и заботливым голосом, полукровка повернула голову, скривившись от боли - и встретила взглядом с крепким мужчиной, присевшим прямо перед ней. Он... поздоровался?!

Ещё пара кирпичиков в голове заняли свои места.

Она поняла! Накатила волна радости, чистой, почти детской. Хафу уже открыла рот, чтобы повторить фразу, предвкушая десятки вопросов, которыми его засыплет, и...

словно с разбегу налетела на бетонную стену. Эйфория длилась лишь доли секунды. Кирпичик, в котором содержались остальные жалкие познания девушки в китайском, явно был пока погребён под тоннами строительного мусора, из которого медленно росла, восстанавливаясь, башня её памяти.

Услышанные знакомые сыграли роль критической массы. Гематома за ухом вспыхнула ослепляющей болью, в оба виска ударили изнутри два скоростных болида, а по остальным отделам мозга словно металась капля расплавленного свинца. Едва не потеряв сознание, девушка покачнулась, подавшись вперёд, и вцепилась обеими руками в колено незнакомца. Снова затошнило, а из носа закапала кровь. Последствия травмы головы не позволяли забыть о себе, к ним прибавились мучительные симптомы высотной болезни, а усугубляло и без того тревожное положение мощное вмешательство в память, которое не могло не оставить следов. Отец всей своей силой выбивал нужные секции, заботясь лишь о том, чтобы они рассыпались в пыль, и заменял их пустыми - наспех, но крепко, чтобы простояли как можно дольше, даже если старые каким-то образом возродятся.

Почти не контролируя себя, полукровка судорожно сжала пальцы на ноге молодого мужчины и, подтянувшись ближе, уткнулась туда же лицом, давая волю слезам - она и так продержалась в тяжелейшей для психики ситуации слишком долго.

- Что со мной?.. Где я?.. Что происходи-и-ит?.. - рыдая, шептала девушка на русском, японском и английском языках соответственно. Цели нащупать привычную Тео Чуну речь, в отличие от его приветствия, не было - она просто не понимала разницы между языками, которыми владела.

Тео Чун

Тео ко многому в этой жизни был готов. С его образом жизни просто невозможно не предусматривать варианты будущего, но делать это как-то исподволь, изподтишка, чтобы не привлекать плохое на свою голову. Он был готов, что на него бросятся, что его оттолкнут, что попробуют, ну, он не знает, пырнуть его ножом или ножкой от разбитого бокала, например - выхода Юэмин в попытке спасти свою жизнь глубоко запала ему в душу, хотя, конечно, под угрозой было не его собственное горло. Но все равно, учишься быть готовым к тому, что женщина, которая сейчас ластится к тебе, может в следующий момент превратиться в разъяренную хули-цзин и прервать твое жалкое существование, подумать только, ножкой от разбитого бокала.

Он был готов, что очередной удар по его многострадальной голове уже станет для него решающим, что какая-нибудь шальная пуля снова попадет в легкое в опасной близости от сердца, что случится еще что-нибудь такое же неотвратимое, но он никак не оказался готов к тому, что его безобидный вопрос-приветствие вызовет такую бурную реакцию со стороны девушки - причем бурную во всех смыслах этого слова. То ли девушка его поняла, то ли, наоборот, не поняла, а потому испугалась. Тео не пошатнулся и не опрокинулся на спину только потому, что годы упорных тренировок приучили его твердо стоять на ногах, а женские слезы не воспринимались им как еще один конец света. Незнакомка выдала целый ряд чудовищной мешанины из нескольких языков, из которой Тео понял только последнюю часть, да и то, едва умудрившись разобрать в непонятном акценте что-то конкретное.

- Тихо, тихо, - успокаивающе проговорил Тео, все же переходя на английский язык, который, как ему показалось, может быть неожиданной гостье ближе, чем иные, которыми он владел. Он чувствовал металлический привкус крови, витающий в воздухе - кровь капала на дощатый пол - и не мог нормально рассмотреть ауру девушки из-за ее неудобной для него позы, но в данный момент это было лучше, чем вообще ничего. По-меньшей мере, ша-ци в области головы и мутные пятна в районе Сахасрары и Аджны неприятно намекали о работе с памятью. Грубой, поспешной - его мать сделала бы намного аккуратнее - и совершенно бесцеременной. Младший из близнецов положил ладонь на затылок рыдающей на его колене незнакомки, и, едва поглаживая ту по растрепанным волосам, направил на кровоточащую рану у уха энергию синего цвета, старательно обходя муные участки памяти стороной. Работать с памятью Тео не умел и попросту боялся, столь тонкое мастерство было подвластно не многим врачевателям, но он знал ту малую долю людей, которые были на это способны.

- Сейчас станет легче, - пообещал он, наблюдая за тем, как алые пятна боли гасятся, а кровотечение - точнее оба их вида - унимаются. У девушки было, ко всему прочему, еще и сотрясение. - И я отвечу на все твои вопросы, на которые смогу ответить, договорились?

Пока он решительно ничего и сам не понимал и был намерен это выяснить при первой же возможности. Но сначала нужно привести незнакомку в относительный порядок. На руках уже начала собираться ша-ци из той, но это количество было смехотворным по сравнению с тем, что ему еще предстояло вытянуть из ауры необычной гостьи.

- Ты меня понимаешь? - на всякий случай уточнил он.

Хина Мотидзуки

Голова, казалось, сейчас разлетится на куски.

Сложно представить, что самодостаточная Сан могла бы устроить подобную истерику на коленях Юми или отца, а Сора бы и вовсе немедленно спихнула плаксу, потребовав взять себя в руки - впрочем, чтобы через минуту лезть обниматься уже самой. Но сейчас девушка напоминала того зайца, который, ища помощи, бросается на руки охотника, спасаясь от преследования собаки: может быть, опасный Двуногий в этот раз окажется другом? Всё лучше, чем умереть на клыках, лязгающих за спиной.

Хафу, тонущая в океане боли, не почувствовала осторожных прикосновений. Послышался голос молодого незнакомца, в котором проскальзывали сочувствующие нотки, и... стало легко.

Набат, простукивающий череп в поисках слабых мест, никуда не исчез, но сейчас был больше похож на электронную ударную установку, выключенную из сети. С уходящей болью почти стихла и тошнота, давление на лоб и переносицу резко ослабло, носовое кровотечение прекратилось. И хоть сил не прибавилось, снова заныло плечо, а желудок уже был готов переварить сам себя, девушка чувствовала себя невесомой и воздушной - настолько нынешнее состояние отличалось от пережитых секунд истинного ада.

Судзуки, дрожа, вновь приняла вертикальное положение и тыльной стороной ладони размазала по лицу кровь и слёзы, второй рукой продолжая крепко держаться за Тео, словно тот в любой момент мог испариться, если его отпустить. Поймав выжидающий взгляд, в глубине чёрных глаз девушка обнаружила почти тот же тёплый огонёк, что был в глазах доброй женщины, встретившей её в деревне. Тот, что заставил хафу последовать за ней. Немного другой, но очень похожий.

- Да... понимаю, - девушка мелко дышала, голос подрагивал и срывался, а черты лица мужчины расплывались и немного двоились, но она снова чувствовала себя способной справляться если не с положением, то хотя бы с самой собой. - Да... Что произошло? Что со мной было? Кто вы?

Соображалось намного лучше: Сан чётко понимала, что говорит собеседник, осилила ответ на том же языке, а в короткие фразы на английском даже не вкралось ни одного японского или русского слова.

Ещё один кирпичик взлетел и пристроился на положенное ему место. Девушка шмыгнула носом.

Тео Чун

Отлично, есть контакт. Последние надежды на то, что девушка сама расскажет, что произошло, как-то торопливо растаяли. Похоже, она не имела об этом ни малейшего представления. Тео был склонен ей верить: во-первых, он видел ее ауру и дыры в том, что обычно называют памятью человека; во-вторых, Тео достаточно хорошо разбирался в людях, чтобы чувствовать, когда его пытаются обмануть; ну и в-третьих, сыграть нечто подобное настолько убедительно может далеко не каждый. Вероятность того, что ему попалась удивительно одаренная актриса в этом небесами забытом месте стремилась не то, что к нулю, а к минус бесконечности.

- Я не знаю, что произошло, - честно ответил Тео, но затем продолжил, - но, судя по ссадине у тебя на голове, ты или ударилась, либо это кто-то сделал. Но это - ерунда, это мы сейчас поправим, - теперь, когда кровь уже не шла, Тео начал неторопливо восстанавливать ткани кожи головы, хотя, конечно, волосы незнакомки успели изрядно слипнуться в месте раны и значительно потемнеть, но усилия его не шли мимо, вскоре от ссадины остался лишь розовый след, который затем пропадет без каких-либо последствий.

- Можешь звать меня Тео, - и создан для того, чтобы решать чужие проблемы. Кажется, где-то он подобное уже встречал, - ты на Тибете и довольно далеко от ближайшего города. Ты что-нибудь помнишь?

Он стряхнул с рук ша-ци (да, наконец-то научился это делать, не прошло и десяти лет) и снова задержал ладонь у головы незнакомки, чтобы начать вытягивать серые помутнения от сотрясения. Их было немного - повезло, что травма совсем легкая - но все это наложилось на чье-то грубое вмешательство, и девушку колбасило просто ну дай боже, а еще она была истощена, явно голодна и продрогла до костей.

Вернулась старая Лхамо, неся в руках исходящую паром полную супа тукпа миску. Вид у женщины был озабоченный и озадаченный. В деревне привыкли, что гости в монастыре появлялись самые разные, но мало кто появлялся здесь в подобном

виде. Магию, что творил лекарь из Линь Ян Шо, ее явно не удивляла. Тео поблагодарил женщину за помощь, особо не отвлекаясь от своего занятия. Лхамо оставила миску на низком столике и снова удалилась.

- И как тебя зовут? - спросил Тео, снова стряхивая с рук сероватую взвесь. Он взглянул девочке - да ведь почти еще ребенок совсем - в глаза, заметив их необычный для азиатов разрез.

Хина Мотидзуки

Вопросы снова придвинули на первый план короткую вереницу событий, произошедшую чуть ранее - тем более, самочувствие, пусть ещё далёкое от идеала, было уже приемлемым. Напрягшись, девушка сфокусировала-таки взгляд на новом знакомом. Он совсем не был похож на тех, кого Сан видела в деревне. Крупный, но не выглядящий массивным, чуть смуглое широкое лицо с выразительными чертами. И добрые глаза.

Девушка задумалась, чувствуя, как дыхание выравнивается - в помещении тело постепенно начинало оттаивать. Обзор заслонила крепкая рука. Хафу, поглощённая обработкой пережитого, позволила Чуну поднести ладонь вплотную, после чего, дёрнув головой (в черепе словно зашатались поставленные друг на друга коробки, но боли не было), оставила наконец в покое его колено и чуть отстранилась.

- Тео... Тибет. Тео, да, - Судзуки автоматически склонила голову, вновь съезжая на японскую речь, пока память услужливо разворачивала перед внутренним взором помятый атлас. Азия. Китай. Где же Тибет... вот. Нагорье. Значит, она находится здесь. Имей Сан возможность помнить случившееся на окраинных холмах Сидзуоки, она бы уже выпрашивала у Тео, как добраться до дома - ведь там Сора, в машине, совсем одна! Внезапная смена локации и собственное состояние волновали бы девушку меньше всего. Но... чего нет, того нет.

- Э... а почему я здесь? Кажется... кажется, я вижу это место первый раз, - опомнившись, сказала она по-английски. Вербальный контакт пока давался девушке нелегко. - Помню дорогу... Наверное, могла и упасть, но не уверена. А потом дошла по ней сюда...

О первых секундах на земле, о том, что с ней было, Сан предпочла умолчать, заталкивая отвратительные воспоминания в самый дальний уголок памяти.

Своим последним вопросом Тео застал согревающуюся девушку врасплох. Люди редко задумываются о собственном имени, воспринимая его как неотъемлемую частичку собственного "я", и чаще даже записывают его, скажем, заполняя документ, чисто машинально. Уже не раз озадачившей себя вопросом "кто я?" полукровке не приходила в голову мысль, что у "я" может быть имя. И не просто может, а должно быть.

- Вы... Тео, я не... - растерянno проговорила она. Знакомое уже ощущение приближающейся монолитной стены напугало девушку, та зажмурилась, ожидая нового удара и вспышки мучительной боли, но ничего не случилось. Словно во сне, не понимая, что всё происходит лишь у неё в голове, Сан прижалась лбом к холодной стене. Перед глазами замелькали мутные образы, искажённые и смятые - точь-в-точь испорченные слайды в сломанном проекторе - а из-под ноги, обутой в белый кроссовок, вырвался на свободу острый камешек. Последний элемент башни,

не раздавленный стеной, взмыл вверх и занял своё место на вершине: огранённый, любовно отполированный, подобный пирамидиону египетской гробницы или яркой лампе маяка.

- Я... я Ехидна. Е-хи-дна... Да.

На этот раз тело опередило волю сознания. Тем удивительнее - сказанные вслух короткие слова принесли неожиданное успокоение, сметая остатки паники и расчищая пространство вокруг памяти-башни: зияющая дырами от ментальных ядер, та снова обрела баланс. Где-то внутри загорелся огонёк, стало теплее. Намного теплее. Чувство голода снова напомнило о себе, и неспроста.

Вынырнув из грёзы, Сан открыла глаза. В воздухе витал приятный запах, а Тео никуда не пропал, производя руками непонятные движения. Что, чёрт возьми, здесь происходит вообще?

- Что... что вы делаете? - хафу отодвинулась ещё на пару сантиметров назад, подозрительно и почти с вызовом глядя на мужчину. Слишком много событий на единицу времени, а вопросов всё больше и больше: понятно только то, что ничего не понятно. О многом можно подумать и позже, сейчас стоит разобраться с человеком, назвавшимся Тео - каким бы добрым и безобидным тот ни казался, причин доверять ему пока не было. Что до "Ехидны"... Ещё совсем недавно она сравнивала себя с камнем, валявшимся около дороги. Пусть пока будет хотя бы так.

Тео Чун

Тео начало казаться, что незнакомые ему слова, которые иногда проскальзывают в речи девушки, ему все же знакомы. Не с самой приятной ассоциацией, но он определенно где-то их слышал. Ему не хотелось делать поспешных выводов, его подозрения могли лихо не иметь под собой никакого реального обоснования.

- Ответа на этот вопрос, я, к сожалению, не знаю, - Тео и рад бы был рассказать, если бы знал, но он не знал. Теперь стало яснее, что и сама незнакомка этого тоже не знает. У Тео было нехорошее предчувствие, что стертая память и появление девушки здесь - явления тесно связанные. Он бы даже сказал, что второе вытает из первого, но это все могли быть лишь его догадки. Он был отвратительным прорицателем, если честно, пусть и привык полагаться на свою интуицию.

С определением имени у девушки возникли изрядные затруднения, судя по скривившемуся личику, намуренным бровям и почти физической попытке нащупать что-то бесплотное, бестелесное, в веренице хаотично разбросанных кадров памяти. Картина пока была неутешительной, но, возможно, кто-то из сильных ментальных магов сможет помочь намного лучше, чем Тео.

- Ехидна, - повторил он, едва усмехнувшись. Ни на известное животное, похожего на дикобраза, но таковым не являющееся, ни тем более на мифическое чудовище девушка не походила. Какая-то сильная ассоциация с привычным именем? Прозвище или аналогия? - Хорошо, - он все же улыбнулся, - приятно познакомиться.

- Что я делаю? - Тео покорно отстранился и поднял руки на уровень своей груди ладонями вперед, что могло бы продемонстрировать миролюбивость его

намерений. На руках еще оставалось немного сероватого налета, который совсем скоро начнет переключиваться в его собственную ауру и подарит ему несколько неприятных часов недомогания, но это были мелочи, издержки врачебательской стези. - Лечу тебя. Чтобы голова не болела, кровь не шла. Проверь сама - раны на голове больше нет. Ведь сейчас лучше?

Не могло быть не лучше. Грязные мутные пятна почти пропали, оставались лишь те, в которых, вероятно, когда-то была память. Больше всего Тео это напоминало наспех обрезанную и неаккуратно склеенную кинематографическую ленту. Он знал, что это такое, и как можно ощущать свою память после того, как ты ее теряешь. Знал и с собственного опыта, и по рассказам старшего близнеца, которому пришлось вспомнить заново свое имя. Память, как и сознание человека - невероятное тонкое кружево, тоньше и изящнее паутины, и разорвать ее также легко, как смахнуть паутинное кружево с какого-нибудь угла. Одно движение, и остаются только клочки. Эти клочки можно восстановить, а можно никогда этого и не добиться. Здесь нет гарантий и никто не может давать обещаний. Люди исследуют космос, но при этом не могут разобраться в своих собственных головах.

- Тебе нужно есть, чтобы быстрее восстанавливаться, - Тео поднялся и сходил за глубокой миской с супом, которую протянул девушке вместе с палочками. - Это местный суп, простой, но сытный. И в этой одежде ты опять замерзнешь. Красиво, но вряд ли подходяще для зимы. Надень лучше вот это, - в лазарете было несколько запасных комплектов одежды, но без эмблемы Храма, хотя в целом эта форма мало чем отличалась от той, что сейчас была на Тео. К тому же она была теплой, намного теплее этого декоративного халата, что был на девушке. Тео достал один такой комплект, навскидку прикинув размер, который мог бы подойти новой знакомой. Ниже него самого, но выше его матери, значит, нужно что-то среднее.

Хина Мотидзуки

Глупо было даже спрашивать. В самом деле, откуда этому Тео знать, как она оказалась здесь? В самом начале, *тогда*, Чун и Сан разделяло немалое расстояние. Однако было заметно, что сложившееся положение заставило призадуматься и его. Но через несколько секунд Ехидна и думать забыла об этом: мужчина проговорил её *имя* (имя ли?), играя усмешкой! Девушка не могла помнить детства, воспоминания были беспощадно выбиты, но эмоции, отложившиеся в подсознании, лопнули наружу. Тело хорошо помнило ушибы, ценой которых она отбивала у сверстников желание рифмовать странное слово прямо на классной доске. Того, что Чун мог улыбнуться, просто сравнив подопечную с невинным яйцекладущим млекопитающим, полукровке даже в голову не пришло. Огонёк где-то внутри разгорелся заметно сильнее.

Лопнуть от злости Сан помешали последующие события. У отошедшего назад мужчины на ладонях обнаружилась странная тёмная субстанция, напоминающая пыль, но это заинтересовало девушку намного меньше, чем сказанные после слова. Лечит? Каким образом?

Судзуки уже поднимала к виску левую ладонь, испачканную в крови из носа, когда в поле зрения с комментариями приплыло гораздо более понятное "лечение", включающее ароматно пахнущую миску с неясным пока варевом и комплект

одежды. Очередные глупые вопросы проиграли дуэль пустому желудку. Хмуро стрельнув в Тео глазами, девушка буквально отобрала у "медика" миску, однако сразу отставила в сторону, принимая дополнительные дары. Хех, накормили, одели... осталось спать уложить. Ехидне стало смешно, но уголки рта ни разу не приподнялись, пока девушка молча развязывала кое-как гнущимися наконец пальцами шнуровку кроссовок, заботясь лишь о том, чтоб окровавленные пальцы не оставили следов на белых шнурках.

Раз уж начала, путь следовало пройти до конца. В два приёма Сан развернулась на циновке спиной к Тео и, подтянув ноги к телу, быстро влезла под полами юкаты в широкие брюки. Конечности не особо хотели двигаться, но она намеренно оставила еду в качестве основной цели. Взявшись за чёрную куртку, хафу, секунду помедлив, беззастенчиво скинула юкату с плеч, открывая новому знакомому малопривлекательный вид на узкую спину и часть широкого багрового ожога, начинающегося с левого плеча и уходящего куда-то на грудь. Несколько неловких движений - и он скрылся под плотной тканью. Теперь можно было завладеть вожаделенной миской.

Все приличия сегодня остались в стороне. Шумно выхлебав наваристый мясной суп с овощами и лапшой прямо через край миски, едва помогая себе палочками (каждое тонкое движение отдавало в плечо, пришлось морщиться и от боли, и от горячей похлёбки), Сан снова повернулась к Тео. На обратный поворот пришлось истратить значительно больше сил, зато еда и тепло, струйками разливающееся по организму, вымыли из её головы всю злость на Чуна. Отставив в сторону посуду и по прежнему держа палочки в левой руке, девушка оперлась на циновку правой, чтобы склониться, почти касаясь носом собственных колен.

- Вот теперь... теперь вы меня спасли, - полукровка с трудом выпрямилась и впервые улыбнулась новому знакомому. Ощупать голову она, разумеется, напрочь забыла. - Аригато годаим... то есть, я хотела сказать, спасибо. Спасибо большое. Я... я вам так обязана.

Ни капли не стесняясь, разомлевшая от горячей пищи девушка принялась в упор разглядывать Тео. Мимолётная мысль, что он меньше всего похож на медицинского работника и, скорее, просто сумасшедший, осталась на дне миски.

Тео Чун

Тео деликатно отвернулся, чтобы не смущать и без того, кажется, не сильно смущающуюся его новую знакомую. Ему и без того было чем заняться, чем беззастенчиво рассматривать необычную пациентку. Его сейчас интересовало его состояние, чем то, что он мог увидеть под тканью ее непригодного для зимы халатика, но для того, чтобы понять, что с ней, ему и не требовалось смотреть на нее, ему достаточно было видеть ауру. И пока с самой большой проблемой в виде последствий сотрясения и вызывающей опасения раной на голове удалось разобраться.

Подойдя к рукомойнику, он начал тщательно смывать с рук ша-ци, которая до сих пор оставалась на ладонях.

У Ехидны - Тео понятия не имел, что могло случиться в жизни девушки, что это прозвище приклеилось так намертво, что вспомнилось впереди ее собственного

имени - или это были всего лишь издевки пораженной памяти? - были еще и другие повреждения, которым стоило бы уделить внимание чуть позже, потому как они были не критичны, а эта острочка давала время ей хоть немного привыкнуть к незнакомой обстановке, в которой она оказалась. В конечном счете, подумал Тео, Ехидна - еще не самое плохо имя, которым можно назваться. Все лучше, чем Шмыга, Лысый или Бизон. Он снова усмехнулся своим мыслям, вытирая руки насухо, прежде чем повернуться обратно в тот момент, когда девушка молниеносно поглощала нехитрый обед. Горячая и сытная пища явно настроили ее доброжелательно.

- Рад помочь, - дружелюбно улыбнувшись в ответ, просто сказал младший из близнецов. То, как она поблагодарила, дало ему еще один кусочек мозаики в общую нескладную картину, в который было слишком много пробелов. Или японка, или слишком хорошо знает японский, но и то, как она не задумываясь, перескакивает с одного языка на другой, не может не остаться незамеченным. Билингва? И правда полукровка, учитывая необычные черты лица?

- Ты понимаешь, что ты сейчас говоришь как минимум на двух языках? - ничуть не чувствуя себя не по себе от внимательного взгляда девушки, спросил Тео, также внимательно рассматривая гостью, как и она его. - И, если я не ошибаюсь, есть еще кое-какие места, которые требуют лечения, не только ссадина на голове. Позволишь помочь с плечом?

Хина Мотидзуки

- Да, понимаю, - Ехидна на несколько секунд задумалась. Трафик в голове напоминал движение на аварийной трассе, мысли текли медленно и лениво. - Это... ин-глиш. Я его учила... вроде, где-то. На японском я говорю лучше. И... ещё на одном.

Хоть Сан с рождения воспитывалась в двуязычной среде, японский, разумеется, был основным. Отец русским не владел, маму девушка никогда не видела, а порусски общалась только дома с сёстрами - Сора обожала глубину речевых возможностей, которую давал этот восточноевропейский язык, и не могла не привить его любимой сестрёнке. От Юми, впрочем, подобного рвения особо не исходило.

Хафу мотнула головой. Она ясно понимала, что английский ей не родной, многие слова с трудом вспоминались и она плохо их выговаривала - но кадров в киноплёнке памяти катастрофически не хватало. Все усилия вспомнить, откуда она знает главный язык мира, были тщетны. А сейчас и без того было достаточно и более важных вещей.

- Помочь... с плечом? Так вы - врач? - на перемазанное разводами крови лицо вернулось выражение сомнения. - Но как же...

Тут Сан вспомнила субстанцию неизвестной природы, которую ранее заметила на руках Тео, и грохот рукомыльника, пока та была занята едой. Перед глазами стояла и размытая, двоящаяся ладонь Чуна - тогда она была ещё чиста. Девушка перевела взгляд на его руки.

- А что это... всмысле, ваши пальцы... на них какая-то гадость была, - промелькнула логичная мысль, и девушка непритворно ужаснулась. - Это... это я такая грязная?

Удивляться, на самом деле, было нечему. Ещё десяток минут назад, до того, как девушка переоделась, она явно напоминала индейца-людоеда в боевой раскраске, укравшего банный халат у испанского завоевателя. Только были ли у конкистадоров бани... тьфу, и лезет же в голову всякая чушь. Да и юката чистотой не блистала, с учётом того, что пришла в себя полукровка, лёжа на земле. На бежевой ткани пыль была не заметна, но чёрный кант по рукавам, вороту и полам тем же похвастаться не мог.

- А... чем лечить? Вы не похожи на врача, - честно призналась Ехидна. Соображала она явно лучше, чем того требовала ситуация. По той же причине, воспитывая дочерей вне всяких суеверий и мифов, отец никогда не затрагивал темы чего-либо сверхъестественного.

Тео Чун

Тео даже обрадовался, когда девушка сама определила, на каких языках может говорит, то есть, она их вполне себе конкретно различала и могла ими оперировать самостоятельно, а не просто смешивая все в одну кучу.

- Нет, я не врач, - он усмехнулся, хотя изначально был очень велик соблазн примазаться к сильным мира сего, но он почему-то вспомнил выражение лица Дина Вэньхуа, когда предложил помочь с восстановлением Юэмин и придумал несуществующую операцию, чтобы избежать хирургического вмешательства. Наверняка, заяви он Вэньхуа, что да, типа врач, тот бы его на костер отправил за исключительное кощунство. Но Тео хотя бы ничего не отрезает. А то этим врачам только дай волю что-нибудь распахать - он до сих пор страдал по отсутствующей части своего легкого и части черепа, которые уже его успели покинуть за эти годы. - Я врачеватель и лечу не скальпелем, а энергией. На моих руках была не грязь, а ша-ци - энергия болезни - которую я у тебя забрал, чтобы тебе стало лучше, а рану на голове можно было быстро залечить.

Тео засвою жизнь столько раз уже объяснял существование в этом мире магии, что постепенно перестал искать какие-то специальные слова и просто говорил так, как есть, и как видит он сам. Ему повезло, что Юэмин в тот момент была лишена возможности ходить, иначе она сбежала бы от него на край света, впервые увидев, как он превратился в собаку. Демонстрировать нечто подобное сейчас он не планировал, предпочитая не тратить силы попусту, когда их нужно потратить на восстановление пострадавшего здоровья новой знакомой.

- Ожог на твоём плече будет заживать около месяца и оставит после себя шрам. Я могу залечить его за десять минут, не оставив никаких следов. Как и ссадины на локтях и пальцах. Но я не буду делать ничего против твоей воли.

С самыми опасными травмами он и так уже успел поработать, чтобы дальше категорически настаивать на своём вмешательстве. В конце концов, страдания - личный выбор каждого.

Хина Мотидзуки

Шарлатан. Она попала в лапы к проходимцу, который, вероятно, может быть опасен.

Огонёк, разгорающийся где-то внутри и постепенно принимающий ясные, оформленные очертания, однако, был совершенно спокоен - если, конечно, слово "спокойный" можно соотнести с пламенем. Или с вихрем... энергии? В сумбурной ситуации - начиная с самых дальних окрестностей безымянного поселения, где Ехидна впервые обнаружила собственное присутствие в этом мире, и заканчивая странным обитателем, стоящим сейчас перед ней - что-то отчётливо не вязалось. Это...

...дурдом?

Сумасшедший дом. Психбольница. Дурка, если хотите, причём для особо буйных или просто неизлечимых пациентов. Вынесенная как можно дальше от всякой цивилизации. Тибетское нагорье, насколько познания Сан в географии позволяли оценить, вполне подходило под определение "у чёрта на рогах". Тогда уж в Антарктику стоило отправлять ненужные нормальному обществу отбросы, что ли. Но там ещё холоднее... В юкате она до палаты бы не дожила. Зато здесь сразу выдали больничную форму.

Значит, это отделение для самых безнадежных - тех, ради кого жалко даже тратиться на перелёт в Антарктиду.

- Я сошла с ума, - бесцветным тоном объявила девушка. Внимательный взгляд потух, запястья со стуком упали на дощатый пол. Палочки выпали из расслабившихся пальцев и покатались в сторону. - И вы тоже... наверное.

Она просто чокнулась и теперь лежит в палате, ей грезится добрый волшебник, вытягивающий из неё скверну, чтобы взамен накачать успокоительными. Сопротивляться не было ни сил, ни желания, сейчас хотелось просто спокойно поспать. Что ж... Если она уже здесь, придётся играть по установленным правилам. Разве есть варианты? Она своей рукой расписалась в документе, определяющем участь, когда позволила доброй (санитарке?) помощнице волшебника привести её сюда.

- "Лечите", врачеватель Тео-сама, я готова, - покорно сказала Сан, склонившись, и добровольно подползла вперёд, двигая коленями. В ровном тоне девушки не было ни единой нотки сарказма.

Голову посетила логичная мысль - терзающей мозг боли действительно уже не существовало. И она точно видела нереальную, неестественную субстанцию на руках Чуна. Но это ведь тоже грёзы, следствие цепких когтей проявившегося психического расстройства. Правда?..

Тео Чун

- Вполне возможно, не берусь это категорически отрицать, - усмехнувшись, согласился Тео. Здравый на голову человек никогда бы добровольно не полез в пекинскую триаду, когда у него был выбор прожить спокойную и относительно нормальную жизнь отпрыска небедной уважаемой семьи. С другой стороны, Тео знал, что спокойно жизни ему, как сыну фу шан шу, никогда не было видать. Слишком заманчивая мишень, чтобы не использовать его в своих планах добраться подобраться ближе к трехзначным. Так что в этом случае Тео просто взял ружье и встал на передовую вместо того, чтобы сразу надевать кандалы, подчиняясь чужой

воле.

Девушка выглядела так, словно заранее соглашалась на что-то совершенно ужасающее. При том, что сам младший из близнецов не собирался делать ровным счетом "ничего такого", ему не нужно было даже просить Ехидну оттягивать воротник тренировочной куртки, чтобы приступить к лечению. Это, конечно, не так удобно, как если бы под ладонями не было толстого слоя ткани, но не так критично, чтобы отказываться от своего решения. Но сначала Тео переставил обратно на низкий столик опустевшую миску и палочки, откатившиеся в сторону, чтобы они ему не мешали и не отвлекали на себя.

- Можешь называть меня просто Тео, безо всяких этих дополнений, - добавил он, снова присаживаясь на корточки возле девушки. - Расслабься, это не больно и не займет много времени.

Он положил одну ладонь на лопатку Ехидны, чтобы лучше чувствовать течения энергии, а вторую задержал у ее плеча, не касаясь его, и расфокусировал взгляд, глядя куда-то не на само плечо девушки, а как будто сквозь него. Опять много красного, за чем он не сразу видел тонкую серую плоску по ключице, разбегающуюся нитями по всей косточке. Трещина, небольшая, но вряд ли приятная, как и широкая багровая полоса через плечо, уходящая ниже к груди. Знакомая травма.

- Такие вот следы остаются от автомобильных аварий, - заметил он, энергией синей цвета гася красные участки, чтобы ему было лучше видно ауру. - Синяк от ремня безопасности.

Строго говоря, это была скорее сочетанная травма - синяк, содранный верхний слой кожи и ожог от резко дернувшегося ремня. Впрочем, лечилось все это примерно одинаково - сначала обезболить, а потом восстановить целостность энергией оранжевого цвета, которая сейчас работала не только на область самого ожога, но и трещины тоже. Наверняка ребра тоже приняли на себя часть удара, но с ними все было в порядке - небольшой ушиб, ничего страшного. Гематома будет, но организм, поддерживаемый сейчас энергией извне, и сам быстро с ней справится.

- Плечо еще немного будет ныть от ушиба, но это скоро пройдет, - пообещал он, перемещая ладонь вдоль руки Сан сначала к разбитому локтю, а потом и к запястью, чтобы убрать ссадинки и там. - Давай вторую руку. И нужно подумать, что делать с тобой дальше. Уже темнеет, лучше будет переночевать здесь. Ты выплещешься, а я прослежу, чтобы твое сострясение не подкинуло никаких сюрпризов.

Хина Мотидзуки

Она совершенно точно сошла с ума.

Когда "просто Тео, безо всяких этих дополнений" вернулся и положил руку ей на спину, девушка чуть дёрнулась, но, вместо того, чтоб отшатнуться, вновь подалась вперёд. Взгляд соседа по палате, "просто Тео", сумасшедшего врачевателя и доброго волшебника в одном лице чуть изменился, выражая сейчас только сосредоточенность, и Сан скосила глаза, наблюдая за действиями второй руки рядом с её плечом. Ноющая боль, сейчас поутихшая сама собой без движения

плечевого сустава, быстро растворялась, покоряясь силе мужских пальцев - тело девушки вторило ей, покорно принимая чужую тёплую энергию, разливающуюся, казалось, по всему телу, не ограничиваясь ключицей.

Ехидна не верила своим глазам. Плечо, ещё совсем недавно отзывавшееся резью на каждое движение палочек в миске, почти замолкло - повторяя слова Чуна, оно сохранило лишь небольшое давление, давно знакомое неоднократно выбитым костяшкам пальцев девушки. Рука психа-волшебника спустилась ниже, задержавшись на локте, и дошла до ладони Сан. Хафу зачарованно смотрела, как две небольшие ссадины и мелкие царапинки, сетью покрывавшие пальцы, исчезают прямо на глазах.

Огонёк где-то внутри горел ровно, словно оберегая равновесие в сознании засыпающей хозяйки. Сейчас в новом мире было только тепло, чарующее тепло, перемешанное с ощущением полного спокойствия и приправленное, точно драгоценными заморскими специями, звуками уверенного чужого голоса. Хотя... чужого ли уже?

Ехидна послушно вручила Чуну вторую ладонь, бёдра съехали с голых пяток, и она боком привалилась к врачевателю, в свою очередь, уткнувшись ему в плечо уже лбом.

- Добрый волшебник... - прошептала девушка, закрывая глаза. На зов мягкой энергии Тео, обнимающей повреждённую ключицу и лёгким эхом отдающейся в местах, где только что были царапины, отозвалось нечто похожее, волной прошедшее вдоль позвоночника. Сан уже не чувствовала этого - она просто спала. Как есть, полусидя, так и не умыв лицо, покрытое засохшей кровью, неудобно свернув излеченную руку и доверчиво прижимаясь к Чуну головой. День был слишком долгим и тяжёлым.

Круг наконец замкнулся. Короткий жизненный путь Судзуки Сан - начавшийся появлением на свет в Сидзуоке и окончившийся там же, вырезанный бездушными символами японской каны на родовом памятнике - уравновесился днём рождения Ехидны. Вторым днём рождения.

Тео Чун

Тео беспрепятственно позволил девушке опереться на него боком, но к тому моменту, как отвлекся от процесса лечения, чтобы взглянуть на свою пациентку, с некоторым удивлением заметил, что та уже спит, сморенная усталостью, сытостью, теплом деревенского лазарета и утихнувшей болью. Сейчас она еще меньше, чем когда либо за сегодняшний вечер, походила на мифическое чудовище со свирепым характером. Просто уставшая девчонка, оказавшаяся неизвестно где и неизвестно как, сломанная и ненужная игрушка.

Тео стряхнул ша-ци, неизменно оседающую на ладонях, на пол, и осторожно отодвинулся, чтобы удобнее перехватить спящую гостью и уложить на циновку, не беспокоя ее сна. Подложив под ее голову подушку и укрыв одеялом, младший из близнецов поднялся, разминая затекшие ноги, и в последний раз окинул придирчивым взглядом свою новую знакомую. Теперь ее состояние не вызывало у него опасений, не считая дыр в памяти, с которыми он, как бы это ни было печально осознавать, никак не мог помочь.

Тео навел некоторый порядок в лазарете, затем долго и тщательно мыл руки в ракумоинике, а потом вышел из помещения на свежий воздух. Ночи на Тибете всегда были холодными, особенно зимой, но он не чувствовал холода, разминая плечи и шею. Возле лазарета был оформлен круг из камней для костра, которым нередко пользовались маги огня после врачевания, Тео довольно долго думал о том, не последовать ли ему их примеру тоже, но было лень искать сухостой и собирать ветки, поэтому он просто закурил, сидя на пороге лазарета. Он не беспокоился, что его потеряют в монастыре - он предупредил Юэмин, что будет на дежурстве, и всякое могло случиться. Он уже не в первый раз оставался в лазарете больше, чем на день. Утром его кто-то в любом случае сменит.

Докурив, Тео тоже отправился спать. Делать все равно было уже особо нечего, а Ехидна спокойно спала. Ей это было сейчас нужно.
